

Эльчин Гусейнбейли
Перевод М.Гусейнзаде

НЕВЕСТА С СЕВЕРА

(немного длинный рассказ)

В эту историю я влип, можно сказать не то, чтоб на ровном месте, а прямо на ходу. Шел я себе, шел, долго ли шел или коротко, по горам да долинам, брел по ущельям, карабкался по скалам... Стоп, да меня, кажется, опять заносит в альпинизм...

Начну-ка, лучше снова. Выехали, значит, как-то я да мой портфель в путь-дорогу, направляясь к нашим северным соседям. Меня с моей поклажей ждали в городе N (не стану называть его, вам это не интересно, да и в моем рассказе он будет играть самую что ни на есть второстепенную роль) на какое-то мероприятие врачей для животных (на вашем языке их называют ветеринарами). Чтобы вспомнить, что это было за мероприятие, надо было бы покопаться в куче пригласительных, но во-первых, не так уж и важно, что это было за мероприятие, а во-вторых, у меня не хватит терпения искать то приглашение, а у вас - ждать, пока я его найду. Уверен, что как истинные азербайджанцы, вас больше интересует случившееся со мной. Вот о нем я сейчас вам и расскажу.

Но, прежде, чем перейти к сути, совершенно искренне скажу вам - я стал ветеринаром из-за нашей буйволицы. Купили мы ее у Миркиши давно, еще когда я был совсем маленьким. И вдруг эта буйволица, которая стоила целого стада, серьезно заболела. Начался у нее понос, и так она и скончалась. А перед смертью выкатилась из ее глаз слезинка. Я-то к тому времени хорошо знал, какие это страдания, когда тебя несет, поэтому прекрасно понимал, как она бедняжка мучается. А остальным все было ни по чем. Видно у них никогда не болели животы. Может, когда и болели, но я что-то не помню, чтобы они часами посиживали в уборной. Ну, разве что бабушка могла посочувствовать нашей бедняжке буйволице. Она тоже бывало, жаловалась на запоры. Вот тогда-то я назло домашним решил стать не человеческим врачом, а ветеринаром. Поступил в техникум у нас в райцентре, проучился там два года, получил, как говорила бабушка, царский диплом, опровергнув тем самым мнение будто у меня каменное сердце.

Чтобы между нами не было никаких недомолвок, я должен разъяснить эту историю насчет каменного сердца. Надо вам сказать, что в детстве я слыл искусным охотником на соседских кур, которым умел ловко перебить ногу. Разумеется, все наши соседи и близкие находили мое поведение крайне антигуманным. На самом же деле я лишь претворял в жизнь мечты бабушки. Потому что бабушка, завидя в нашем огороде соседскую курицу, швыряла в нее камнями, целясь именно в ногу. Но ни разу бабушке не удавалось поразить цель. А ваш покорный слуга отличался поразительной меткостью, но вместо призов ему доставалась только брань от домашних и соседей. Все это, конечно, теперь уже далеко позади, и мне удавалось не раз доказывать, что мнение обо мне, как человеке жестокосердом весьма ошибочно. А теперь перейдем к мелодраматической части моего рассказа.

Сначала все шло хорошо. Купил билет, сел в самолет, долетел. Пропущу всякие несущественные мелочи, скажу только, что в клубе ветеринаров мне дали двухметровый чертеж - как проехать в поселок, где будет проходить это

самое мероприятие. Через полчаса я уже стоял на перроне, откуда отходят пригородные электрички, и ждал поезда, одновременно выясняя - ходят ли вообще поезда до поселка Рог (наши северные соседи почему-то именно так назвали поселок, где намечалось это ветеринарное мероприятие. Но никто не мог дать мне вразумительного ответа. Я не отчаивался и продолжал расспросы, пока меня не отослали к стоящей в некотором отдалении небольшой группе людей. Я подошел к ним и спросил едет ли электричка в этот проклятый поселок. И опять я не получил никакого ответа. И ни то, что не ответили, даже не обратили на меня внимания. Даже повернулись ко мне спиной. Я совершенно отчетливо понял, что люди, ожидание поезда с которыми уравнило нас в статусе, игнорируют меня из-за того, что в этой компании блондинов я оказался единственным брюнетом. Тут во мне бурно разыграл инстинкт самолюбия и я выдал по полной программе все, что о них думаю. Сейчас мне неохота пересказывать всю мою тогдашнюю речь, могу только упомянуть весьма удачную, на мой взгляд мысль - <я - врач, и насмотрелся на блондинистых баранов, вроде вас>... Слово <врач> я произнес с особым пафосом, и собирался уже хлопнуть портфелем оземь, но какая-то пожилая женщина перехватила не столько даже мой портфель, сколько злобу и спокойно сказала: <Успокойтесь, молодой человек, Поберегите ваши нервы для старости, а уехать в ту дыру можно именно с этой платформы>. Я вошел в вагон гордый, как аист. (Неплохое сравнение, да, - гордый, как аист? А еще кое-кто говорит, что в моих рассказах мало образности.) <Здесь свободно?> - спросил я. И опять никто не ответил. Я плюнул и сел, не дождавшись ответа. Да и зачем мне нужно чье-то разрешение? Что, он ему по наследству досталось? Или это его папа изобрел поезд? Сажу себе, думаю обо всем этом, и тут замечаю, что рядом со мной сидит молодая женщина. Собственно то, что она молодая, я узнал только когда она спрыгнула с поезда. Потому что нижнее белье ее оказалось плиссированным, а такое белье носят только молодые. Рядом с ней сидел маленький мальчик. На это я уж совсем не обратил внимания, о чем потом горько пожалел. Знал ведь, что на детей надо обращать особое внимание, что надо в первую очередь сдружиться именно с детьми. Иначе... Короче, сажу себе, любуюсь пейзажем за окном. Думаю о чем-то. Не важно о чем. Готовлюсь плавно к сладостному, беззаботному, но крайне необходимому процессу дремы, как вдруг чувствую, как что-то обжигает мне бок. Оглядываюсь и вижу, как этот самый мальчишка, что был рядом с женщиной, стоит сбоку и совершенно спокойно совершает деяние, недопустимое в общественном месте, а попросту говоря, вынул свое мужское достоинство, впрочем, какое там достоинство - вот инструмент, который Залха увидела у нашего односельчанина Имралы - это достоинство, а тут так себе, отросток не больше шелковичного червя, и орошает меня из него. Я с криком вскочил на ноги. Высказал его матери все, что думал по поводу ее сына. Та, не переставая, затвердила <Простите, Бога ради...> Окружающие смеялись. Видя это, она тоже присоединилась к остальным. Тогда я в бешенстве сорвал с себя рубашку и выжал на нее эту (примите к сведению!) вонючую жидкость. Судя по всему, женщина этого не ожидала. Она тоже завопила и вскочила на ноги. <Нахал!> - воскликнула женщина. Я с достоинством ответил, что это она нахалка, ее отец - нахал, все их семейство, включая кошку - нахалы. С утра морочит людям голову рассказами о благовоспитанности своей кошки, но не может научить приличиям своего оболтуса-сына. Женщина возразила, что я бездушный и бессердечный человек, а обгадивший меня мальчик - еще сущее дитя, и нельзя так раздувать всякую ерунду. <Да знаете ли вы, кто я такой?> - закричал я. И не дожидаясь ее ответа вытащил из портфеля журнал, где я был запечатлен обнимающим одного из своих <пациентов> - ягненка, а под фотографией была напечатана статья <Друг животных>. <Это я бессердечный?>

- орал я, тыча им в глаза журналом. Я неистовствовал, но вдруг, взглянув на свое улыбающееся фото, успокоился. До чего же я выглядел счастливым. И ягненок улыбался, и даже чем-то был похож на меня. Женщина, увидев мою фотографию, тут же растаяла. И так, и здесь в российской глубинке, мне удалось доказать, что я не бессердечен. Она стала уговаривать меня не нервничать, оправдывалась тяжелым характером своего Вовочки, который, едва увидит возле нее мужчину, тут же спешит его... ну, это самое. Что значит - <это самое>, удивился я? Все имеет свое название, и должно быть названо. Но я - врач, и верный клятве Гиппократата, тут же взял себя в руки, тем более, что вспомнил женщину на перроне, уговаривавшую меня не нервничать по пустякам. Кажется, в нашем техникуме в клятве Гиппократата был этот самый пункт насчет нервов. Потому что, стоило мне начать нервничать, как преподаватели тут напоминали мне о клятве Гиппократата. Но даже если это было не так, в настоящий момент о Гиппократате необходимо было вспомнить. Я же собирался подвести итог этим размышлениям, как мое внимание снова привлек звонкий голос женщины. Он зазвучал у самых моих ушей и был на этот раз мягким и нежным. Она говорила о том, что мероприятие, на которое я еду будет проходить недалеко от ее дома. Она приглашала меня к себе, обещала отстирать рубашку. Говорила что дома нет никого, кроме ее матери и Вовки.

- А ваш муж?

- У меня нет мужа, - ответила она.

- Как это? А кто отец мальчика?

- У него нет отца... Она произнесла это так гордо, будто иметь мужа было чем-то постыдным и неприличным.

- То есть как это - нет. Не с неба же он свалился, - удивленно спросил я, тыча мальчика в бок.

- Не с неба свалился, а на земле нашелся. Мы нашли его на дороге.

Потом Вера (так звали мою попутчицу) сказала, что была бы рада, если я принял ее приглашение. Что, мол, я не пожалею. Но, увы, я пожалел. То есть поначалу, до того момента, как я начал жалеть, все шло хорошо.

Мы пришли к Вере домой. Но перед этим Вера потянула за стоп-кран и стала уговаривать меня спрыгнуть на землю. Отсюда, мол, до поселка короче. Но я, естественно, отказался, не желая рисковать по пустякам. Вера с Вовкой спрыгнули. Поезд тронулся, и тут я увидел, что Вовка размахивает папкой, в которой хранились все мои газеты, журналы, документы, то есть все, что составляло смысл моей жизни, мою <визитную карточку>, если хотите. Видно, мальчишка успел стянуть ее еще в вагоне, пока я бился в истерике. Я тут же бросился к двери, рванул ее и с портфелем под мышкой выпрыгнул из вагона. До самого дома мы с Верой ругались, но тут снова мне на помощь пришла клятва Гиппократата, и я вынужден был в <чужом монастыре> взять себя в руки.

Вопреки ожиданиям, у Веры меня встретили хорошо. Собственно, если говорить о встрече, то мать Веры с кошкой в руках ожидала дочь у крыльца. Мать с дочкой многозначительно переглянулись, и я ни минуты не сомневался в том, что этот обмен мимикой касался моей персоны.

Справедливости ради должен сказать, что Вера выполнила все свои обещания.

Она быстро отстирала и высушила мое белье. А я тем временем искупался в бане, которая была больше похожа на крытый загончик, хлев, но достаточно чистый. Тишина и покой дома настолько расслабили меня, что я даже стал забывать о мероприятии, ради которого приехал сюда. Но имидж друга животных вернул меня к действительности.

Естественно, мы отправились туда вместе. Я вел себя, как и положено гениям. Впрочем, я имел на это право. Ведь не каждого приглашают на подобные мероприятия, тем более, не каждого ветеринара. А потом вышло так, что я на этом мероприятии слегка выпил, и меня потянуло на тосты о том, как прекрасна профессия врача, о важности дружбы между народами и животными. Впрочем, не хочу вам морочить этим всем голову. Но наутро, когда я проснулся в том же аккуратном хлеву, Вера с большой охотой пересказывала мне мои речи, утверждая, что я человек особенный, ни на кого не похожий. А потом Вера предложила мне пару дней погостить у них, если я не особенно спешу, и я тут же согласился. Как выяснилось позже, совершенно зря. Потому что оставшихся дней вполне хватило на то, чтобы я Верочку полюбил (с тех пор я называл ее только Верочкой, что было, согласитесь, проявлением моей к ней бесконечной любви).

Итак, однажды я наслаждался подаренными мне радостями жизни и любви. Рядом довольно мурлыкал и кот Веры, который, кажется, тайно ревновал меня к хозяйке, но, в отличии от Вовки, ничего лишнего себе не позволял. Разве что изредка поглядывал на меня и мяукал. Я только-только начинал осознать, что женщины не такие уж противные существа, как вдруг зазвонил телефон.

- Алло, можно Веру Аракеловну?

- Кого?

- Веру Аракеловну.

Я ответил, что здесь такая не живет и повесил трубку. Но телефон позвонил снова. На этот раз говорил женский голос. Спрашивали Веру Аракеловну Погосову. Я спросил у мамыши (так я уже по-семейному звал маму Веры) живет ли здесь Вера Аракеловна. <Конечно, ответила она, ведь это же наша Вера>. Ярость азербайджанца ударила мне в голову. Как это, Вера армянка? Кажется, при этом даже лицо мое изогнулось в форме вопросительного знака.

- Нет, русская, - ответила мамыша.

- А откуда тогда взялся Аракел?

- А из увольнительной. Выяснилось, что отец Веры, Аракел, служил здесь в армии и как-то пошел в увольнение, случайно споткнулся и упал аккурат на Верину маму, причем упал так удачно, что ровно через девять месяцев, опять же совершенно случайно, на свет появилась Вера. В те времена на матерей-одинок смотрели с неодобрением, поэтому в документах она записала Аракела отцом Веры. Хотя, может быть, им был вовсе и не Аракел. Но как докажешь?.. Наука в те времена не достигла еще нынешних высот, люди не умели ни предохраняться от беременности, ни определять подлинность отцовства. Глупы были люди. Слава Богу, что по случайности Аракел забыл у них свою увольнительную, которая и явилась единственным доказательством его причастности к рождению ребенка, во всяком случае ее хоть можно было

предъявить в качестве оной работникам ЗАГСа. Впрочем, знай она тогда, что все обернется именно так, и страна советов развалится, она не стала бы делать подобной глупости. Но откуда ей было знать, она же простая женщина, а не пророк... Записала бы вместо Аракела Ваську. В конце концов, не так уж трудно было бы уговорить и самого Ваську, и работников ЗАГСа. <Все мужики одинаковы>... Вы уже поняли, что этот утешающий монолог принадлежит Вериной маме.

А я никак не мог смириться с происшедшим. Как же, здесь, на просторах России, я опозорил свою нацию! Я думал об этом, и кровь мчалась у меня по жилам, как испуганный ишак Моллы Насреддина. (Вот вам еще одно образное сравнение). Скандал, учиненный мной, был столь же стремителен и яростен. Я кричал, что они нарочно заманили меня в свою ловушку. Потом бросился на чердак, горя желанием покончить с собой, ибо не видел другого способа смыть свой позор. Как это, я полюбил армянку! Обнимал, ласкал ее. Останься я здесь еще немного, она бы от меня забеременела.

Я лез на чердак, а Вера уговаривала меня не делать этого. Ясно, что я бы не убился - это точно, а покалечиться случайно могу. А если бы и умер, меня хоронил бы Васька. Но я был против Васьки. Я представил свою смерть. Дом Веры вместе с чердаком высотой не более десяти метров, но это не помешало мне увидеть, как я падаю с гораздо большей высоты, точнее лечу вниз головой с ускорением, которое рассчитал еще Ньютон. Особое удовольствие доставило мне зрелище Веры, рыдающей и рвущей на себе волосы над моим бездыханным телом. Не над каждым умершим любящая женщина будет рвать волосы. Потому-то азербайджанские поэты веками воспевают своих возлюбленных, чтобы после смерти обеспечить себе женщину, рвущую на себе волосы. Жаль все-таки, что Вера армянка, а не азербайджанка. Видно, это моя судьба. Я уж не говорю о священнике на похоронах. Он будет отпевать меня: <Во имя отца, и сына, и святого духа>. Я слышал уже церковный хор. Это было прекрасней всего. С детства я люблю слушать хоровую капеллу. Собственно говоря, ни религиозные, ни музыкальные проблемы не имеют к моему рассказу никакого отношения. Но я думаю, что это недостойно: родиться мусульманином, а быть похороненным по-христиански. Хотя я и не знаю, как становятся мусульманами. Например, христиане своих детей крестят в святой воде, а мы с какого момента можем считаться мусульманами? Но мне было не до философствований. К тому же лучше всего умирать в Азербайджане. Положат покойного посреди комнаты и давай рвать на себе волосы, да раздирать лицо. А русские сначала примут водки. А потом уложат покойного на стол, еще и <бабочку> ему на шею нацепят. Или же сначала положат покойного на стол, а потом принимаются за водку. Впрочем, какая разница - они исполняют свои традиции. Но мне не понравился костюм, который надела на меня Вера. Это кажется осталось еще от ее покойного отца. Мне стало не по себе. Я уж не говорю об этом Ваське. Он же плачет понарошку. Ведь этот сукин сын ни разу не видел меня. Если б он меня видел, то и я должен был бы видеть его. Я же его не видел. Да картина, прямо скажем, была малорадостной. Я с самого детства не о такой смерти мечтал. Я должен умереть дома, слыша рев нашего осла, вой собаки, кудахтанье кур. Так записано в книге моей и я не имел права изменять своей судьбе, нашим ослу, собаке, кошке. Вера умоляла меня. И чем дольше смотрел я на слезы, текущие по ее щекам, тем больше мне становилось жаль ее. Я уже проклинал все на свете - что она родилась от армянина. Да, я любил Веру, но не так-то просто жениться на дочери врага, опозорить свою нацию. Поэтому я собрал в кулак все свое мужество и национальное самосознание, и покинул Веру. Я сел в первую же электричку, и снова встретил ту пожилую женщину, с

которой познакомился до всей этой трагической истории моей любви и которая советовала мне не нервничать. Она улыбалась...

Я же, стремясь забыть ее, свою большую любовь, сел писать домой. Но естественно, что сам я оказался дома раньше, и мне было стыдно читать собственное письмо. В письме я признавался, что люблю ее. Как же низко я пал. Полюбить армянку. Впрочем, во имя национальной гордости я отказался от великой любви, и поэтому чувствовал себя гордым и возвышенным, как растущий перед домом тополь. Да теперь я сидел на верхушке этого тополя, до нижних веток которого раньше не мог и дотянуться, ел виноград и швырялся ягодами в лысые и косматые головы, проплывающие под деревом... Какими жалкими и ничтожными казались люди. Я в полушаге между счастьем и несчастьем. Потому что, все вышло совсем не так, как я предполагал, и были вещи посложней попыток забыть мою великую любовь, и были они суждены мне задолго до того, как родился я. Может быть, и родителей моих тогда еще не было на свете...

Но, чтобы не мучить вас, скажу, что через несколько дней раздался телефонный звонок. Звонили не мне, а нашему директору. Тот вызвал меня, долго, изучающе смотрел на меня, потом встал и подошел к окну. (Вы такое могли не раз видеть в кино.)

- Ну, что за х... ты опять спорол?

- Ничего я не делал. А в чем дело?

- Это у тебя надо спросить. Потому что тебя разыскивает КГБ... Для большего эффекта, чтобы нагнать на меня больше страха, слово <кэгебэ> он произнес чуть ли не по слогам и с расстановкой. - Точней, они тебя нашли и вызывают туда... Он кивнул в сторону здания КГБ.

- Не знаю, может, это связано с последними экспериментами. Ведь я работаю над проблемой скрещивания в естественных условиях английских племенных телок с нашими быками.

- Нет, эксперимент тут не при чем. Подумай как следует.

Я, естественно, не задумываясь, ответил, что больше ничего за собой не знаю.

В КГБ меня встретил мужчина средних лет в очках. Одет он был безлико - белая рубашка, черный галстук. Впрочем, они все похожи друг на друга, даже если и не похожи, для меня они все на одно лицо...

- Значит, это вы герой?

- В его голосе было больше укора, чем вопроса.

- В каком смысле - герой?

- Не спешите отвечать на вопросы. Правда, и вопросы еще не начались... Насколько близко вы знакомы с Верой Аракеловной? У меня лицо вытянулось от удивления, и каждая мышца на лице затрепетала:

- А вы ее откуда знаете? И в ответ услышал хорошо знакомые по множеству

фильмов слова:

- Здесь вопросы задаю я, молодой человек.

Я ответил, что прекрасно знаю ее, и не дожидаясь дальнейших вопросов, рассказал этому человеку все до мельчайших деталей, конечно, опустив несколько интимных подробностей. А в конце я сказал, что принес свою великую любовь в жертву национальной гордости.

- Значит, армянка... любовь... Молодой человек, вы не хуже меня знаете, что вся эта любовь - это чушь, все осталось в прошлом. Времена Лейли и Меджнуна прошли.

Я попросил его говорить только о себе. Заявил, что Вера не имеет никакого отношения к армянам. Что она никогда не видела своего отца. Что осталась сиротой еще до рождения и не знала отцовских ласк. Что отец ее даже не слушал, как она стучит в живот матери. Кстати, последние слова принадлежали моей не состоявшейся свекрови.

- Это все болтовня, вот пошлем тебя в отдел фильтрации, сразу поумнеешь.

В оправдание я сказал, что отца Веры вполне могли звать не Аракелом, а, скажем, Адилем. И фамилия ее вполне могла бы быть Пашаева. И все это простая случайность.

- Дети случайно не рождаются, молодой человек. Во всяком случае не настолько. Или ты думаешь, что мы здесь не знаем, как и откуда рождаются дети?..

- Но она и по-армянски ни слова не знает. Теперь я уже защищал Веру, и поэтому глаза гэбэшника, наливались кровью, как у испанского быка. (Вот вам еще один образ. Пожалуйте...)

- Это мы обсудим позже, - проговорил он.

Меня заперли в какой-то маленькой комнате, где я предался раздумьям. И каждый из вопросов, которые я задавал себе, вполне тянул на объект изучения целого научно-исследовательского института. Откуда им известно о моем знакомстве с Верой? А, может, это часть большой провокации, организованной против меня? А может, и Вера с ее мамой участвуют в этом? Почему они оставили меня жить у них? Ведь я им никто. Они хотели что-то выведать у меня? А может, и женщина, которая смеялась в поезде, тоже была сотрудницей КГБ? От этой глубокой и мудрой мысли мой высокий лоб, свидетельствующий о несомненном уме, покрылся холодным потом. Я вскочил и начал быстрыми шагами расхаживать по своей клетушке, явно напоминая при этом неггибаемых коммунистов. Я вспоминал каждую деталь нашего знакомства - как кадры киноленты замелькали они передо мной. (В кино вам не раз доводилось, видеть, как воспоминания героя оживают у него перед глазами.) Морщины на лбу свидетельствовали о напряженной работе мысли. Ага, та, смеющаяся женщина и была мамой Веры. Только она заgrimировалась. Потому, наверное, Вера и стащила меня с поезда на ходу, чтобы мать успела домой раньше нас и подготовилась к встрече. А ребенок, это дитя... Да никакое это не дитя... А хорошо подготовленный сыщик. И мои документы он взял намеренно, чтобы я пошел за ними. Это им нужно было для дальнейшей операции. Причем, здесь могла быть замешана и Интелленджис Сервис. Да и

вообще все разведки мира, может, и Интерпол интересуются мной. А вдруг мои исследования, действительно имеют огромное, невиданное до сих пор в мировой цивилизации значение. Моя бедная покойная бабушка, она с детства верила, что я стану великим ученым. Живи она сейчас, знай с какими могущественными силами и во имя чего я веду свою борьбу, может, она и не умерла бы. Я в растерянности тер лоб. Конечно, дело здесь серьезное. Может, это проверка? Возможно. Может, это один из способов проверить насколько граждане преданы своей родине? Они имеют возможность убедиться, что я не болтун. На встречу с инопланетянами можно посылать только хорошо проверенных людей, умеющих держать язык за зубами. А ведь они могли узнать, что я с детства интересуюсь инопланетянами и мечтал стать космонавтом. Ведь когда сдохла наша буйволица, бабушка сказала мне, что она не умерла и душа ее на том свете. Что-то у меня с памятью - когда бабушка говорила мне это - после смерти буйволицы или дедушки? Но говорила - это точно, и добавила еще, что и ее душа улетит на небо. Но ведь я мог спасти их. Только теперь я понял, что как не случайно рождаются дети, так и я не случайно стал ветеринаром. Может, поэтому меня и хотят направить в другую Галактику, на встречу с вземной цивилизацией. Во всяком случае, это дело довольно серьезное. Ни в чем нельзя признаваться. Я вспомнил фильмы про разведчиков. Да, я должен все отрицать! <Я ничего не знаю. Ничего не слышал. Помню ли я партизан? Им не провести меня...> Конечно, здесь не последнюю роль сыграло и то, что я два года проучился в техникуме, и мои нынешние эксперименты. Клятва Гиппократы. Поведение волков, попавших в западню...

- Я никого не знаю, - заявил я конвойному, который пришел отвести меня на второй допрос.

- Расскажешь это там, - сказал он.

В кабинете гэбэшника я увидел и нашего директора. У него глаза полезли на лоб, когда я повторил свое гордое заявление.

- Как это не знаешь? Вера сама приехала к тебе в Баку, а теперь сидит в изоляторе КГБ. Она во всем призналась. <...Это еще одна проверка. Не может быть...>

- Ничего не знаю. Это все ложь, - упрямо твердил я. -Я никого не знаю.

Директор переглянулся с гэбэшником, покачал головой и повертел пальцем у виска.

- Мы направили туда письмо, -сказал тот.

- Все подтвердилось.

- Что подтвердилось? Вы лжете!

- Не волнуйтесь, молодой человек, - обратился ко мне гэбэшник. - Наши подозрения оказались безосновательными. С этими словами он протянул мне письмо. Оно было из города N, на конверте стоял специальный гриф. Из письма следовало, что у учительницы Погосовой Веры Аракеловны никогда не было отца. Вообще никогда не было...

События, последовавшие за моим отъездом, развивались со скоростью хорошо

продуманной операции. Разлука со мной оказалась для Веры невыносимой. Она бросилась за мной в Баку. В аэропорту заглянули ей в паспорт и тут же задержали. Меня мучили угрызения совести. Как я мог не верить женщине, которая так любит меня, как мог сомневаться в искренности чувств женщины, готовой рыдать и рвать на себе волосы над моим трупом. Я не мучился так даже, когда умерла наша буйволица. Будь жива сейчас бабушка, она, наверное, ругала бы меня за то, что я не поверил своей Великой любви. Стала бы она кормить меня яичками, яблоками? Пошлют ли меня теперь в далекую Галактику? Я не находил ответов на эти вопросы. Бедная Вера. Ее выслали обратно прямо из аэропорта. Мне только разрешили попрощаться с ней через окно. Вы не можете не почувствовать - насколько была невыносима эта ситуация. Поэтому поговорим лучше о <хэппи энде>.

Итак я снова в поселке Рог, стою у дверей Веры.

- Вера, Верочка, это я, - говорю.

Вера бросается мне на шею, обнимает. И тут я чувствую, как постепенно намокает моя штанина. А рядом стоит Вовочка и... А мы отражаемся в небольшой лужице, рожденной Вовочкиной ревностью...